

Время от времени я возвращаюсь в те памятные дни, которые провел в тропических дождевых лесах Венесуэлы и Бразилии. По вечерам, когда пирога приставала к берегу, индеец-канайма Томас у костра рассказывал мне невероятные истории. О сельве, о тропическом лесе, о великих джунглях, находящихся на грани истребления.

Я помню, о чем говорили за бокалом рома в баре «Сталинград» нищего прибрежного города Кумана. Здесь обсуждали версии бесследного исчезновения в джунглях к югу от реки Шингу легендарного английского капитана Перси Фосетта, отправившегося более пятидесяти лет назад на поиски древних цивилизаций. Именно Фосетт дал названия более сотне коренных индейских племен. На сегодняшний день их осталось не более десяти.

Ущерб, нанесенный дождевым лесам и их жителям, невозможно оценить. Действительность намного хуже, чем это можно описать в романе. А последствия осознать невозможно.

Обращаю внимание читателей на то, что в книге я умышленно смешиваю португальский и испанский языки, а также добавляю местные словечки и выражения.

Мне хочется избежать привязки к конкретной стране или региону той части мира, где происходит основное действие. Названия животных и растений я использую настоящие.

Страумен, 22.11.1988

Герт Нюгордсхауг

ГЛАВА 1

Белая, как ядро кокоса

К юго-востоку от деревни на холме золотисто-зеленым светом от низкого вечернего солнца светились роща магнолий; мягкий, влажный, едва заметный ветерок приносил слабый запах с легким едким оттенком — *canforeira*, камфора. В самой гуще зелени возвышались цветущие жакаранды, словно фарфоровые маяки, они приманивали всех птиц — от грифов и ибисов до любящих совать свой клюв не в свои дела туканов.

Стайка желтых бабочек *statiras* вылетела из своего укрытия после мощного, но недолгого послеобеденного ливня и полетела в сторону деревни, привлекаемая яркими запахами цветов и овощей с рынка. Было жарко, в джунглях парило.

— Пошел прочь, маленький негодник, а не то призову всех духов обохо и кахими, заползут они ночью к тебе под одеяло и вопьются в тебя своими ядовитыми зубами!

Худощавый старик — продавец кокосов бил своей потрепанной шляпой маленького босого мальчишку, одетого в отрепья, тот ловко уворачивался, звонко смеясь и дразня старика.

Мино Ахиллесе Португезе было шесть лет, и у него выпали уже почти все молочные зубы. Он спрятался за

огромным платаном. Продавца кокосов он ни капли не боялся. Никто из детей не боялся старика Эусебио с его тележкой, хотя именно он пуще всех ругался и кричал громче всех, когда мальчишки приближались к его прилавку с кокосами. Все прекрасно знали, что в глубине души Эусебио добряк. Случалось, именно от него им перепадал целый нетреснувший кокос. Далеко не все торговцы на рынке дарили детям бедняков целые кокосы.

— Минолито! Иди сюда! Мы кое-что нашли! — позвал мальчика его друг Лукас.

Мино выскочил из-за платана, перемахнул через горю стоявших на окраине рынка старых ящиков от овощей. Лукас, Пепе и Армандо стояли и тыкали палкой в деревянный ящик с гнилыми коричневыми капустными листьями. Мино взглянул в ящик.

— *Sapito!* — воскликнул он. — Маленькая белая жаба! Смотрите, она пытается спрятаться в гнилой капусте. Не обижай ее, Армандо!

Армандо, которому уже исполнилось десять лет и он считал себя почти взрослым парнем, отбросил палку. Вместо этого он достал из кармана брюк веревку и сделал из нее вполне профессиональную удавку.

— Сейчас мы ее подвесим, и все торговцы кокосами побросают свои тележки. Она ведь ядовитая, скажу я вам. Мой дед чуть не умер из-за такой вот жабы.

Армандо аккуратно опустил удавку на голову жабы и затянул ее.

Лукас, Пепе и Мино в ужасе отпрянули. Жаба вырывалась, билась, вытягивала свои длиннющие задние лапки, на ее стеклянных глазах появилась поволока. Армандо прыгал от радости и дико хохотал, держа удавку как можно дальше от себя. Вдруг жаба совершила какой-то невероятный неожиданный рывок и рухнула на голое бедро Армандо. Он взвизгнул и выпустил веревку, жаба тут же забралась под ящики от овощей и исчезла.

На бедре Армандо осталось красное воспаленное пятно, словно он обжегся о куст мухаре. Лукас, Пепе и Мино, не отрывая глаз, смотрели на пятно, ожидая, что в любой момент оно загорится, запылывает, перекинется от бедра на пах и дальше — на живот, на грудь, огонь охватит всего Армандо, его кожа станет похожа на кожу молочного поросенка на вертеле, и он умрет.

Все знали, что белые *sapos* ядовиты.

Но пятно не увеличивалось, а Армандо не бледнел. Совсем скоро его щеки стали обычного цвета, а глаза снова засверкали.

— Вот дерьмо! — выругался он и ударил ногой по ящичкам, под которыми скрылась жаба. — Дерьмо! Пойду смою эту слизь. А потом отыщу большие толстые скорлупки от кокоса и отнесу их домой, маме Эсмеральде.

Словно порыв ветра, он метнулся между торговцами овощей и исчез на другой стороне платана. Пепе пошел за ним.

— Сегодня ночью он умрет, — сказал Лукас, взяв Мино за руку.

Два шестилетних мальчика серьезно кивнули друг другу.

Мино осторожно приближался к краю леса. Его босые ноги тонули в коричнево-красной, топкой земле, на которой отец Макондо тщетно пытался вырастить таро. Вялые росточки грустно клонились к бесплодному илу, который едва ли можно было назвать почвой. Джунгли окружали деревню со всех сторон, оставляя лишь тонкую полоску трясины, на которой можно было что-то посадить. Но отец Макондо не сдавался, снова и снова он высаживал свои таро.

Мино остановился и поднял ветку, упавшую с одного из огромных деревьев. Она отлично ему подходила, потому что была похожа на букву Y. Мино достал из кармана сетку от комаров, сшитую в форме кошелки — длинной колбасой, открытой с одной стороны. Он осторожно надел сетку на две стороны буквы Y, и — оп! — в руках у него оказался прекрасный сачок. Именно здесь, на самой окраине джунглей, водились самые красивые *mariposas* — бабочки.

Отец сказал, что сегодня ему были нужны две большие синие *Морфо*.

Мино подумал о жабе, укусившей Армандо. Тот наверняка сейчас лежал с лихорадкой. Мино шагал осторожно, внимательно глядя себе под ноги, не исключено, что в этом коричневом иле тоже полно белых жаб.

Мимо пролетела большая апельсиново-желтая бабочка *argante* и села на один из увядших росточков таро! Мино знал названия большинства бабочек, водившихся в джунглях, отец обучил его всему, о чем говорилось в большой энциклопедии. Мальчик медленно подкрался к растению, держа сачок наготове, а затем быстрым

движением накрыл им бабочку. Натренированными маленькими пальчиками он быстро сжал тельце насекомого — не слишком сильно, чтобы не повредить ее, но достаточно, чтобы она потеряла сознание. Потом он достал из кармана маленькую металлическую коробочку и закрыл бабочку там вместе с ватным шариком, смоченным в эфире. Так умерла бабочка.

Каждый раз, держа в руках сачок, Мино чувствовал себя настоящим охотником. Он был великим охотником. Выходя на охоту за бабочками для отца, Мино никогда не брал с собой друзей. Ведь в кармане он носил смертельное оружие: жестяную коробочку с ядовитым газом. Отправляя Мино на охоту, отец всегда исполнял тайный ритуал.

— Минолито! — говорил отец, а потом произносил то самое сложное слово:

— *Этилацетат.*

Мино должен был повторить это слово, потом они кивали друг другу. Потом отец незаметно от матери пробирался в ванную, отщипывал маленький кусочек ваты от куска, хранившегося в верхнем ящике комода, они оба еще раз кивали друг другу, а потом Мино шел за отцом в пристройку. Там, под крышей, за балкой, так высоко, что даже отцу приходилось подниматься на ящик, стояла бутылочка. Бутылочка с Каплями Смерти. Отец смачивал ватку и быстро убирал ее в жестяную коробочку, подставленную Мино. Этой ватки хватало на много часов.

Мино дошел уже до первых деревьев, растущих в джунглях. Он настороженно оглянулся. За морфо нужно

идти в джунгли. Именно там водятся красивые, цвета голубого металла небесные бабочки. Поймать их трудно. Обычно они летают высоко, слишком высоко — сачком Мино не дотянется. Но иногда они спускаются вниз к просвету между деревьями и садятся на траву. И тогда нужно очень осторожно подкрасться к ним.

Мино знал, что морфо надо ловить именно в это время. Было уже поздно, через час стемнеет. Именно в этот час морфо спускались с верхушек деревьев, словно сверкающие голубые лоскутки, и садились на землю. Отец получал за морфо в десять раз больше денег, чем за статиру или арганте.

В джунглях было тихо и влажно. От поникших листьев, на которые он наступал, поднимался пар, прямо перед ним в страхе выскакивала всякая мелкая живность: лягушки, медно-зеленые игуаны. Мино любил джунгли. Он совершенно не боялся их, хотя из-за огромных деревьев здесь всегда царил полумрак. Но заходил не слишком далеко, чтобы слышать шум и крики в деревне.

Маленький охотник, Великий охотник. Такими были обохи и кахими пятьдесят лет назад. У них были ядовитые стрелы, так рассказывал Армандо. А у Мино в кармане был ядовитый газ. Если бы у него была коробка побольше, он бы мог ловить и *cerrillos* — пёкари, и *armadillos* — броненосцев. Хотя они обитали в глубине джунглей.

Мино поймал одну морфо, потом еще одну. И прежде чем на джунгли спустилась ночь, он поймал еще одну. Они были больше его ладони и едва поместились в его

коробке, даже со свернутыми крыльями. Отец похвалит его за удачную охоту.

Подпрыгивая, Мино бежал по илистой земле, забыв о белых жабах. Он зигзагом промчался по помидорным грядкам сеньора Гомеры, перепрыгнул через мощные маниоки сеньоры Серраты. Совсем скоро он оказался возле платана, под которым спрятал скорлупу кокоса, собранную днем возле тележек торговцев. И тут он заметил маму Эсмеральду, рыдая, она брела к рынку, закутавшись в черное полотно.

Так Мино понял, что Армандо умер.

Прежде чем поднять лопату и бросить горсть ржаво-коричневой земли в глубокую яму, где в деревянном ящике покоился Армандо, отец Макондо сказал:

— Для Бога биение маленьких сердец не прекращается никогда. На Небесах они продолжают стучать, кровь, протекающая через них, бурлит от счастья, словно чистый ручей на горном склоне. Армандо живет теперь в Чертогах Небесных. Там нет слез, нет бедности. Нет голода, оцелотом вгрызающегося в животы мальшей. Армандо, улыбаясь, смотрит оттуда на нас, подобных убогим пионам, выросшим на худородной почве. Но настанет и наше время.

Мино крепко держал отца за руку и думал о хилых ростках таро, которые высаживал отец Макондо. Потом он подумал, что туда, где сейчас лежит Армандо, не доберутся ни муравьи, ни жуки — слишком уж глубоко. От этой мысли он вздрогнул и вспомнил о белой жабе.

— Папа, — прошептал он отцу, — а что страшнее — жаба или этилацетат?

— Тсс! — шикнул на него Себастьян Португеза и зажал рот сына рукой.

Священник бросил горсть земли на гроб, мама Эмеральда зарыдала. Она приходилась Армандо бабушкой. Никому в деревне не было известно, куда подевались родители мальчика.

Похороны подходили к концу, Мино увидел стайку алых ибисов, полетевших к реке. Доктор сказал, что сам по себе яд белой жабы не такой уж и опасный, а сердце Армандо остановилось потому, что он очень сильно боялся. Боялся настолько, что сердце остановилось и кровь перестала течь по телу.

— Папа, а почему у бабочек нет крови? Может, у них и сердца нет?

По-прежнему крепко держа отца за руку, Мино шел в тени коричников, источавших свежий аромат и окружавших кладбище и маленькую белую церковь с двумя башенками.

Они жили в небольшом домике на краю деревни рядом с маленьким озерцом, вода в нем была стоячей, лишь в сезон дождей озерцо разливалось почти до дверей дома сеньоры Серраты, их ближайшей соседки. Дедушка Мино построил дом из глины, соломы и деревянных балок, а крышу покрыл ржавым шифером. Их дом был одним из самых красивых в деревне, ведь не реже двух раз в год

Себастьян Португеза приносил из лавочки сеньоры Риверы известь и краску. Мама мастерила из веревок тарапы большие и маленькие кисточки, и вся семья принималась за работу — красили и белили, напевая баллады-боливары на свой лад. Младший брат Мино, Теофило, был еще слишком мал, чтобы красить, так что его привязывали к передвижной вешалке, чтобы он не перевернул банку с известью или не выпил ее. Все остальные работали охотно: и мама, Амантея, и четырехлетний брат Сефрино, и сестра-двойняшка Мино Ана-Мария. Вот только мама не пела. Уже больше года Амантея Португеза не произносила ни звука.

Себастьян Португеза зарабатывал себе на хлеб заготовкой и продажей бабочек. У него были связи в столице района — в двадцати милях ниже по реке, и каждую неделю он отправлял туда посылку местным автобусом. В маленьких пластиковых ящичках от конфет, которые он получал в лавке сеньоры Риверы, он размещал прекрасных бабочек. Этих совершенных существ невероятных цветов и узоров. «Ангелы джунглей» — так называл их отец. Платили ему неплохо, и, если Ане-Марии и Мино удавалось раздобыть парочку скорлупок кокоса у торговцев на рынке, голодать им не приходилось. Правду сказать, мясо или рыба редко попадались в похлебке Амантеи Португезы. Но у них была свинья и семь курочек, а еще две прирученные *mutum*, дикие индейки, с каждым днем жиревшие все больше на диете из кожуры маниоки и залежалого риса.

Мино часами просиживал возле отца, наблюдая за его работой. Ему не надоедало изучать движения его пальцев; не прикасаясь к их хрупким крылышкам, отец заставлял бабочек раскрываться на дощечке полностью. Для крыльев он использовал иголки, пинцет и прозрачную бумагу. Отец никогда не протыкал крылья иголками. Начиная заготовку бабочки, он пронизывал грудь насекомого, *thorax*, как он пояснил сыну, длинной тонкой иглой. Он прикалывал бабочку к дощечке, а потом осторожно раскрывал ее крылья, добиваясь абсолютной симметрии. В самом конце отец выкладывал длинные тоненькие усики, *antennas*, в идеальную букву V. Мино знал, что это самый ответственный момент заготовки. Усики легко ломались, и тогда вся бабочка оказывалась непригодной. В такой момент отец взрывался от ярости, поэтому, когда дело доходило до усиков, Мино задерживал дыхание. А когда отец работал над особенно редкой бабочкой, Мино даже не решался смотреть. Он выходил из каморки и ждал взрыва снаружи. Но если внутри было тихо, Мино спешил обратно, счастливо улыбаясь светящемуся от радости отцу, тот выносил дощечку на свет, чтобы все могли полюбоваться на чудо: *Pseudolycaena marsias!* *Morpho montezuma!* Или *Parides perrhebes!* Мино знал все эти латинские названия, они звучали как удивительные волшебные заклинания.

Бабочки сохли не меньше недели, а потом отец помещал их в пластиковый ящик с подложкой из коркового дерева. Сверху на подложку он клал листок бумаги, красивым

почерком матери на нем было выведено название и семейство бабочки. Мама писала лучше всех в семье.

Для отца и для Мино не было на свете ничего прекраснее бабочек с широко распростертыми в вечной неподвижности крылышками. В этом они были единыдушны.

Отец научил Мино и Ане-Марию читать. Власти обещали, что скоро в деревню придет учитель, но пока никого не было. Мино громко и бегло читал большую энциклопедию бабочек. По вечерам, когда Мино ложился в кровать, отец иногда приходил, садился на его постель и рассказывал истории о четырех стадиях жизни бабочек: яйцо, гусеница, кокон и, наконец, самой бабочке. Стадия бабочки была очень короткой — не дольше двух месяцев, и все же за свою недолгую жизнь в джунглях бабочка успевала пережить много всего интересного.

Стоя в дверях, мать слушала эти рассказы, печально улыбаясь и не издавая ни звука.

Никто в деревне не знал, как Себастьян Португеза додумался до того, чтобы торговать бабочками, и где он научился с ними обращаться, но все соглашались с тем, что это был умный и уважаемый способ заработка в этих местах, где бедность и безработица сковывали людей, словно жевательная смола, не оставляя возможности выбраться. Никто из товарищей Мино и не думал смеяться над ним, когда он отправлялся в свой ежедневный поход с сачком для ловли бабочек наперевес. Он был одиноким охотником, но весьма уважаемым.

— Почему мы не вырубаем деревья, заслоняющие от нас солнце? Почему мы не выжигаем мух парафином и огнем? Неужели у нас, жителей деревни, голова не на месте? Неужели мы стоим дешевле гнилой капусты на рынке? Посмотрите на сеньора Тико, того, что вставил острый *machete* в свой костыль и не упускает случая прижать его к горлу свиньи Кабуры, когда тот решается выйти на рынок. Неужто хромой сеньор Тико — единственный мужчина в нашей деревне, у кого действительно есть голова на плечах? Вы же слышали, что сказал отец Макондо: «Могущественные люди из плодородной саванны покупают машины, размером больше церкви, те, что работают быстрее тысячи *caboclos**. Они уже забрали себе землю, а скоро отберут у нас и работу! Мы — вонючая гнилая капуста, мы — мелкие ползучие твари, в ужасе отскакивающие от их сапог, наступающих на наши хвосты!

Торговец кокосами, чей прилавок располагался по соседству с тележкой Эусебио, стоял на двух ящиках от овощей, яростно размахивая руками. Его пламенную речь, раздавшуюся над площадью в тот самый момент, когда все готовились к сиесте, встретили восторженно, и старик Эусебио размахивал своей шляпой и смеялся во весь свой беззубый рот. Он достал бутылку агуардиенте, жадно отпил из нее и протянул бутылку говорящему.

— Еще, Гонзо, еще! Слава Тико с мачете в костыле!

* *Caboclos* — кабокльо, этническая группа в составе бразильцев, португало-индейские метисы. Крупнейшая этно-расовая группа Амазонии.

Герт Нюгордсхауг

ЗООПАРК ДОКТОРА МЕНГЕЛЕ

Глава 1. Белая, как ядро кокоса	7
Глава 2. Черный дым из круга факира	73
Глава 3. Дом у моря	141
Глава 4. Революция терпелива, словно кактус	194
Глава 5. Размышления под сенью платана	252
Глава 6. Нектар красного цветка	307
Глава 7. Взлет синей морфо	364
Глава 8. Тетраподы	411
Глава 9. Зеленая радость Матери Гайи	465
Глава 10. На дне колдовской крипты	507